

ЗАКОН

**Налогообложение
трансграничных
услуг**

**Правовые риски
совершения сделок
с объектами IP
на цифровых
платформах**

**Новая
процессуальная
революция?
Комментарии
экспертов**

**Заключения по правовым
вопросам в уголовном
процессе**

**Светлана СМЕРНОВА:
«Все эксперты должны работать
по единым правилам»**

ТЕМА НОМЕРА: Судебная экспертиза

9 770869 440002

На вопросы шеф-редактора журнала «Закон» Владимира Румака отвечает директор Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России Светлана Аркадьевна СМЕРНОВА

ВСЕ ЭКСПЕРТЫ ДОЛЖНЫ РАБОТАТЬ ПО ЕДИНЫМ ПРАВИЛАМ

Родилась 6 июня 1950 г.

В 1973 г. окончила химический факультет Ленинградского государственного университета (ныне СПбГУ), в 1977 г. защитила диссертацию на соискание степени кандидата химических наук, а в 2002 г. — на соискание степени доктора юридических наук.

С 1979 по 2010 г. — младший, старший научный сотрудник, заведующая отделом, заместитель начальника, начальник Центральной ленинградской научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы (с 1995 г. — ФБУ Северо-Западный РЦСЭ Минюста России).

С 2010 г. по наст. вр. — директор федерального бюджетного учреждения Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. Председатель объединенного диссертационного совета

РУДН — РФЦСЭ по специальности 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность».

С 2002 г. — действительный член Европейской сети судебно-экспертных учреждений (ENFSI).

Председатель национального технического комитета ТК 134 «Судебная экспертиза»; межгосударственного технического комитета МТК 545 «Судебная экспертиза». Лауреат премии Петербургского международного юридического форума «Вклад в развитие правовой интеграции на евразийском пространстве» (2015 г.).

Профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ. Почетный работник юстиции России.

Автор более 150 научных и научно-методических работ по вопросам теории и практики судебной экспертизы.

— Светлана Аркадьевна, сейчас самым актуальным вопросом, связанным в России с судебной экспертизой, остается принятие нового закона о судебно-экспертной деятельности¹. Базовый законопроект уже прошел первое чтение...

— И после этого пролежал практически шесть лет в Государственной Думе под сукном.

— Тем не менее недавно появилась информация, что Совет Федерации рекомендовал побыстрее принять его. Вы участвовали в разработке этого проекта, поэтому не могу не спросить: что предшествовало его появлению и почему его прохождение в законодательном органе столкнулось с такими сложностями?

— В 2006 г. появилось Постановление ВАС², позволившее активно заниматься судебно-экспертной деятельностью негосударственным экспертам. Подобное решение на тот момент было совершенно грамотным и очень нужным: Председатель Высшего Арбитражного Суда А.А. Иванов преследовал цель снизить сроки производства экспертиз и увеличить количество экспертов, представляющих большой спектр экспертных специальностей.

Конечно, негосударственные эксперты привлекались к исследованиям и ранее. Например, в советские времена у любой государственной судебно-экспертной структуры были внештатники для того, чтобы иметь возможность заниматься самыми разнообразными направлениями экспертизы. Соответственно, редкие, эксклюзивные специалисты, как, например, специалисты по воздушным судам, потребность экспертизы по которым очень редко возникает, не числились в штате. Они привлекались правоприменителями, а мы при необходимости включали их в наши комиссии экспертов. После появления в 2008 г. института негосударственных экспертов у нас не осталось внештатников, потому

что все они либо объединились в экспертные организации, либо стали работать на подряде, делая заключения под эгидой негосударственных судебно-экспертных организаций. Вот здесь и начались сбои ... Правоприменитель стал все чаще сталкиваться с недостоверными заключениями экспертов. В один прекрасный момент у судебной общественности закончилось терпение, и они выступили с инициативой привести работу негосударственных экспертов в порядок. По поручению Президента³ была начата большая работа по совершенствованию судебно-экспертной деятельности.

Закон⁴, который действует сейчас, был принят в далеком 2001 г. и позволяет работать негосударственным экспертам как свободным художникам. И качество их заключений подчас вызывает много вопросов.

Конечно, среди них есть и бывшие государственные судебные эксперты, которые знают все законы, все правила исследований и запросов вещественных доказательств, направления ходатайств в правоприменительные органы. Есть и негосударственные судебно-экспертные организации, которые пользуются заслуженным доверием со стороны заказчиков проведения экспертных исследований. Но их доля по сравнению с числом малопрофессиональных специалистов, называющих себя экспертами, очень незначительна.

Законопроект, о котором мы начали говорить, прошел первое чтение, можно сказать, на ура, потому что эксперты различных ведомств — Минюста России, Экспертно-криминалистического центра (ЭКЦ) МВД, Института криминалистики ФСБ, структур МЧС, Минобороны, Минздрава — были в этом крайне заинтересованы. Но ведь нельзя же создать закон, который будет касаться только негосударственных экспертов. Все эксперты должны работать по единым правилам, только тогда наши экспертизы будут

¹ Проект федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

² Постановление Пленума ВАС РФ от 20.12.2006 № 66 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе».

³ Перечень поручений Президента РФ от 03.02.2012 № Пр-267 по вопросам совершенствования судебно-экспертной деятельности.

⁴ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

востребованы на мировом уровне. А если применять к негосударственным экспертам одни правила, а к государственным — другие, то мы далеко не уедем. И в итоге перед вторым чтением начались сплошные разногласия. Многие были не согласны с тем, что государственных судебных экспертов придется также сертифицировать. Даже Следственный комитет, который ждал принятия закона, легализующего их экспертную службу, работа которой была у них практически налажена под эгидой Главного управления криминалистики, был не согласен. В результате большинство ведомств в ходе работы по подготовке законопроекта ко второму чтению высказали позицию о том, что новый закон не нужен, что Закон 2001 г. и так все учитывает и т.п. Хотите, мол, создавайте регулирование только для негосударственных экспертов. Поэтому законопроект дальше первого чтения так и не продвинулся.

Но... в 2018 г. что-то, видимо, изменилось. Возможно, что кто-то из наших руководителей сам столкнулся с результатами деятельности негосударственных судебных экспертов. И началась новая волна, Президент дал поручение Минюсту урегулировать все межведомственные разногласия. Сейчас департаментом по вопросам правовой помощи и взаимодействия с судебной системой Минюста России совместно с нашим центром подготовлен проект поправок, которые, надеемся, удовлетворят всех заинтересованных лиц.

— Это значит, что в ближайшем будущем его все-таки примут?

— Не могу это утверждать, ведь все равно предпринимаются попытки его поправить, и какова будет его дальнейшая судьба — пока неясно. В принципе, в руководстве страны поддерживают его принятие, понимая, что нужно работать по единым правилам, стандартам, методикам. Все должно быть гармонично: и научно-методическая составляющая, и организационно-правовая, и само взаимодействие между всеми нами. Думаю, что закон все-таки должен появиться: Минюст очень тщательно подошел к разработке его новой редакции, максимально учтены замечания всех заинтересованных органов государственной власти. При этом нужно понимать, что в случае принятия законопроекта потребуются дополнительные внесение изменений в процессуаль-

ное законодательство, в том числе в целях приведения в единство терминологии, касающейся назначения и производства судебных экспертиз. Это неоднократно отмечали и коллеги из Верховного Суда в рамках работы над проектом поправок.

А если этого закона не будет, то, как я уже говорила, не видать нам побед на мировом уровне.

Наш федеральный центр судебной экспертизы, развивающий те самые инновационные практики аккредитации, валидации, стандартизации методик, сегодня единственный в России успешно обеспечивает экспертное сопровождение в международных судах.

Мы, несмотря ни на что, продолжаем изучать, внедрять у себя международные стандарты, даже если положений, предусматривающих их применение, не будет в профильном законе.

С появлением закона мы связываем правовое регулирование деятельности негосударственных экспертных организаций, а также применение единого научно-методического подхода во всех учреждениях, независимо от ведомственной принадлежности. Иначе мы просто не сможем совершенствовать судебно-экспертную деятельность.

— Насколько мне известно, ваш центр осуществляет добровольную сертификацию негосударственных экспертов. Какова их удельная доля?

— Если говорить простыми словами, то нашу сертификацию прошли немногие негосударственные судебные эксперты. Всего с 2005 г. выдано около 2000 сертификатов. В основном это дальновидные специалисты. Кроме того, могу сказать, что некоторые вузы понимают, что даже самый лучший специалист не может называть себя экспертом, пока не постигнет правовых основ судебной экспертизы: он элементарно не будет знать, как проводить осмотры или как правильно фиксировать результаты. И они создают кафедры судебной экспертизы: например, в Московском государственном строительном университете, где обучают профильных экспертов, такая работа отлажена, по окончании они приходят к нам

и получают сертификацию. Правда, на наш взгляд, удельная доля таких сертифицированных экспертов еще невелика.

— То есть сертификация сегодня — это некий знак качества?

— Знак качества, или как принято говорить за границей, *quality*. Эти люди сначала проходят у нас стажировки, готовят заключения, которые мы рецензируем, а потом сдают экзамен, по итогам которого мы им присваиваем или не присваиваем звание эксперта. Настоящего эксперта, который знает и теорию, и практику судебной экспертизы.

— А как выглядит система сертификации, предлагаемая законопроектом?

— Ввиду того, что в настоящий момент процессуальное законодательство позволяет привлекать к производству судебной экспертизы любых лиц, обладающих специальными знаниями, в проекте поправок применяется конструкция добровольной сертификации. И, наверное, это правильно, так как в ряде случаев есть специалисты, знания которых являются уникальными, но которые занимаются другой работой, и производство судебных экспертиз не является для них основным видом деятельности. Но мы предусмотрели обязательное включение в государственный реестр судебных экспертов тех, кто прошел сертификацию.

— Это будет открытый реестр?

— Конечно. И он ориентирован в первую очередь на правоприменителей. То есть судьи и следователи будут знать, кто прошел сертификацию и к кому можно обратиться за проведением тех или иных судебных экспертиз. И судья по последнему обсуждению законопроекта на площадке Федерального Собрания, могу сказать, что неприятия его со стороны негосударственных экспертов уже не осталось. Может, и хорошо, что законопроект несколько лет ждал своего часа: все боялись его появления и готовились к нему — кто-то сертифицировался, кто-то получал базовое образование. Раньше, например, в эксперты-техники, которые считают ущерб после ДТП, приходили люди без профильного образования. Вот что они понимали в транспортном средстве и оценке ущерба?

Одним словом, Минюст всеми силами старается навести порядок в деятельности негосударственных судебных экспертов. И нужно отметить, что, поскольку мы максимально постарались учесть замечания и согласовать все разногласия, большинство ведомств отнеслись к этой работе очень конструктивно и уже согласовали проект поправок в предложенном варианте, в этом смысле мы очень благодарны коллегам за такой правильный рабочий подход. Нужно сказать, что от многих положений первоначальной редакции законопроекта, принятого в первом чтении, нам пришлось отказаться. Например, это касается валидации методик, которую предлагалось сделать обязательной, что соответствовало бы общепринятым международным практикам. Ряд других моментов нам пришлось откорректировать в поисках компромиссов, но это неизбежно ввиду ведомственного характера судебно-экспертной деятельности, который окончательно оформился на сегодняшний день в России.

Очень сложно, с одной стороны, включать в законопроект инновации, которые жизненно необходимы для дальнейшего развития судебной экспертизы и которые могли бы стать регуляторными драйверами для ее совершенствования и приближения к мировым стандартам, и, с другой стороны, сделать это так, чтобы учесть и совместить в принимаемых решениях мнения всех заинтересованных лиц.

Но, самое главное, все согласилось с тем, что во главу угла нужно ставить развитие единого научно-методического подхода и стремиться к сертификации методического обеспечения.

— Но ведь стороны часто сталкиваются с недобросовестностью именно негосударственных экспертов. В том числе поэтому суды стараются, если сторона представляет какое-то заключение, обеспечить дополнительную экспертизу, со стороны государственных учреждений.

— Да, это правда. По крайней мере, в Московском городском суде и районных судах Москвы есть такое негласное правило — назначать экспертизу государственным экспертным структурам. Но в таком случае возникает проблема очень больших сроков.

Правоприменители думали, что с ростом числа негосударственных экспертов сократятся сроки и повысится качество экспертиз. Но на деле появилась проблема фальсификации выводов, недобросовестного отношения к вещественным доказательствам. А самое главное, негосударственные эксперты не задумывались о том, каким образом эти доказательства были изъяты.

Все это повлекло за собой огромное количество повторных экспертиз, проводимых государственными структурами после негосударственных судебных экспертов, а значит, существенное увеличение сроков рассмотрения дел и количества проведенных судебных заседаний.

— Есть ли какие-то детали в заключении эксперта, которые могут говорить о том, что методика грубо нарушена? В целом какие принципы валидации методик сейчас используются при добровольной сертификации?

— Мы, конечно, говорим, что методики должны быть валидированы, т.е. оценена их пригодность использования в экспертной практике. Но, к сожалению, даже в наших государственных судебно-экспертных учреждениях методики не всегда одинаковые и порядок их апробации и внедрения разнообразный. Например, наши баллисты работают по одним методикам, баллисты ЭКЦ МВД по другим, и мы иногда приходим к различным результатам. То же самое относится к автотехнической, пожарно-технической, биологической экспертизам, криминалистической экспертизе материалов, веществ и изделий. Правда, традиционных экспертиз сейчас стало проводиться гораздо меньше, и таких проблем почти не возникает.

И несмотря ни на что, во всех государственных экспертных структурах методики так или иначе валидированы, утверждены научно-методическими советами этих центров или институтов, ну а негосударственные эксперты нередко пользуются методиками нашего центра, потому что современные технологии позволяют найти их без особого труда, например в сети Интернет. Однако без должного обучения и получения практических навыков возникает проблема неправильного их ис-

пользования, что может приводить к недостоверным выводам.

|| Существуют направления, по которым методики пока не разработаны. Например, есть определенные сложности с установлением давности изготовления документов.

Сейчас появляются разработанные негосударственными экспертами методики, которые, по мнению разработчиков, научно обоснованы и перспективны. Адвокаты часто спрашивают: а они утверждены Российским федеральным центром судебной экспертизы (РФЦСЭ) или МВД России? Ответ, как правило, отрицательный.

Нам очень важно понять, как та или иная методика работает, чтобы мы с уверенностью могли сказать о возможностях и условиях ее применения. Бывают случаи, когда мы еще не завершили изучение методики, а нас начинают заваливать запросами: зачем вы это делаете, ведь эта методика априори плохая, она лоббирует интересы ее авторов? Мы вынуждены отвечать, что РФЦСЭ не собирается внедрять в экспертную деятельность методики до тех пор, пока не получено подтверждение их достоверности и соответствующее научное обоснование. Вообще, мы занимались, занимаемся и будем заниматься валидацией и сертификацией методик по одной простой причине — наука и экспертные технологии не стоят на месте, и методики должны удовлетворять повышенным требованиям со стороны правоприменителей. Ведь мы работаем для них.

— А когда в судебно-экспертных учреждениях Минюста была принята действующая методика установления давности изготовления документа?

— Еще в 1990-е гг. И она нуждается в серьезной доработке и модернизации.

— Значит, мы можем попасть в ту же ловушку, что и, например, США, когда в 2009 г. Национальная академия наук, а в 2015 г. и Министерство юстиции признали, что многие экспертизы, которые проводились на основании устаревших методик, были неправильны?

— Конечно. Однако мы стараемся это предотвращать путем использования современного более чувствительного оборудования, повышения профессиональной подготовки наших работников и внедрения систем менеджмента качества в судебно-экспертной деятельности.

— А если много исследований проводится еще по советским методикам, означает ли это, что растет вероятность получения недостоверных данных по результатам экспертизы?

— В государственных экспертных учреждениях — нет, это исключено в связи с мероприятиями, о которых я сказала. По крайней мере, по результатам наших экспертиз не было возбуждено ни одного дела, связанного с необоснованностью заключения эксперта, а уж тем более из-за того, что произошла какая-то подтасовка результатов. Проблема в другом: наши методики наиболее эффективны тогда, когда суд или следствие направляет нам такие материалы, на основе исследования которых эта методика позволяет нам дать конкретный ответ: либо четкое «нет», либо уверенное «да».

Здесь очень важно то, насколько грамотно собраны и сохранены объекты для исследования и насколько правильно уже в ходе исследования определена совокупность признаков, необходимая для формулирования обоснованного и достоверного вывода. Вот почему если методика позволяет, то мы устанавливаем требуемые обстоятельства. Если же суд или следователь просто собирают и направляют нам все, что попало под руку, то мы часто отвечаем: не представляется возможным установить.

— Какую максимальную давность изготовления документа вы можете выявить согласно принятой на сегодня методике?

— Если говорить о методике, которую мы сейчас используем, то она предусматривает использование физико-химических методов и газохроматографического оборудования. В зависимости от обстоятельств и материала письма — обычно до двух-трех лет. Эта методика основана на испарении растворителя; если он испарился — определить период времени, в который был изготовлен документ, невозможно.

— А если определять по бумаге?

— Здесь от самой бумаги очень многое зависит. С одной стороны, злоумышленники ведь могут специально состарить ее, есть специальные технологии для этого. Те, кто нарушает закон, знают все наши методики и прекрасно представляют, что надо сделать для того, чтобы мы не ответили на поставленный вопрос. С другой стороны, установить зависимость изменения параметров бумаги от времени достаточно сложно, так как необходимо учитывать множество исходных данных, что на сегодняшний день является проблематичным. Но мы работаем над тем, чтобы переиграть злодеев.

— Стороны, особенно неквалифицированные, могут не знать, каким образом формулировать вопрос перед экспертом. На что им ориентироваться при решении такой задачи и часто ли эксперты помогают в этом?

— Во-первых, мы стараемся информировать судей и следователей на проводимых для них методических занятиях, а во-вторых, консультируем стороны. Суды этому только рады, потому что они не могут в каждом случае звонить и выяснять, что от сторон требуется. К примеру, мы можем предупредить, что для исследования печатного или письменного текста нам понадобится разрешение на вырезки, без чего мы не сможем провести эту экспертизу.

А вот что касается уголовных дел, то здесь мы не общаемся со сторонами и можем только проконсультировать следователя на предмет того, что нужно для решения тех или иных вопросов, о чем мы подробно рассказываем на наших методических занятиях, которые, как правило, касаются экспертной практики по конкретным делам, прошедшим в судах. Несмотря на то, что у следователей и судей есть свои академии, институты, они очень любят приходить к нам за знаниями и опытом по всем нашим направлениям, а в центре выполняются 59 видов исследований. Мы понимаем: от качества работы следователей зависит качество нашей работы.

Поскольку я давно работаю и тесно общаюсь со следователями, могу сказать, что в XX в. было проще их учить, так как все они заканчивали государственные учебные заведения, а не коммерческие юридические

вузы, и, безусловно, проходили и криминалистику, и судебную экспертизу. И нам не так много приходилось им объяснять, так как основы теории они уже знали. Мы только делали акценты на практических моментах производства экспертизы.

Сегодня следователь подчас не знает наших возможностей, а мы не знаем, чего он хочет от нас. И в результате налаживание взаимодействия с правоприменителем и судами превращается в элемент не менее важный для эффективной судебно-экспертной деятельности, чем те, о которых мы упомянули выше.

— А откуда в экспертные учреждения приходят сотрудники?

— Если говорить о системе экспертно-криминалистических подразделений МВД, то это прежде всего выпускники вузов МВД, где осуществляется подготовка судебных экспертов в форме специалитета в рамках стандарта высшего профессионального стандарта «Судебная экспертиза». Этот стандарт реализуется и в ряде других вузов, самым известным из которых является Университет имени О.Е. Кутафина. Кафедры, где готовят будущих судебных экспертов, есть также в РГУП, МГТУ им. Н.Э. Баумана. Для нашей системы судебно-экспертных учреждений (СЭУ) Минюста России характерна такая форма подготовки, как дополнительное профессиональное образование. Для того чтобы человек, имеющий высшее профильное образование, стал экспертом, нужно учить его около девяти месяцев — как ребенка родить, так сказать.

— Хорошее сравнение — так рождается эксперт!

— Он должен под руководством наставника изучить базовые курсы по основам криминалистики и судебной экспертизы, освоить профессиональные компетенции конкретной экспертной специальности, подготовить свои заключения, на которые мы получаем рецензии старших, ведущих и главных экспертов, затем сдать экзамен по итогам получения дополнительного профессионального образования и только тогда получить диплом и свидетельство на право самостоятельного производства экспертиз.

Специальных структур, готовящих экспертов по целому ряду экспертных специальностей, нет, так что мы своими силами, привлекая профессоров по теоретическим предметам, проводим обучение по теории и практике судебной экспертизы.

Мы приняли активное участие в подготовке экспертов-экономистов для ЭКЦ МВД России, потому что по уголовным делам мы не в состоянии одни осилить потребности уголовного судопроизводства. В МВД тысячи экспертов, а в нашем центре за экономику отвечают всего восемь. При этом назначенных экспертиз — просто вал, и все по делам с большим общественным резонансом. Поэтому нагрузка у нас более чем серьезная. Хорошо, что в последние годы, по крайней мере в системе Минюста, ситуация по организации судебно-экспертной деятельности стала меняться в лучшую сторону и в плане технического оснащения, и в части финансирования, что позволяет эффективно противостоять вызовам времени.

В 2015 г. мы подготовили экспертов по строительно-технической экспертизе для ЭКЦ МВД, и количество строительно-технических экспертиз, которые приходят к нам из следственного департамента МВД России, значительно уменьшилось. Вот так общими усилиями мы потихонечку поднимаем уровень судебно-экспертной деятельности в стране. Но пока что все равно сроки исследования очень большие, так как не решен вопрос с качественной подготовкой материалов к проведению исследования. Прежде в отделах и управлениях криминалистики существовали группы по подготовке материалов для производства экспертизы по всем правилам научного и методического исследования в рамках того или иного вида экспертизы, и сроки производства экспертиз были гораздо меньше. А сейчас нам приносят вагоны дел по несколько сотен томов.

— По принципу «разбирайтесь сами»?

— Да, подчас следователи просто не знают, что в этих документах есть. Поэтому эксперт начинает работу с анализа того, что же ему принесли. Он просматривает все тома, отбирает то, что необходимо для ответа на поставленный вопрос.

Отбором материала для экспертного исследования должны заниматься профессионалы. А профессионалы должны быть где-то обучены, иметь представление хотя бы о каких-то экспертных понятиях, терминах и определениях.

Здесь я даже не говорю уже о неукоснительном соблюдении процессуальных требований при обращении с вещественными доказательствами. Давайте помечтаем: если бы в Следственном комитете была служба, отвечающая за подготовку материалов к производству экспертизы, и к нам всегда поступали бы качественные объекты экспертизы, то сроки нашей работы сократились бы в разы.

— Сколько сейчас экспертов в штате вашего центра?

— Порядка 230.

— А сколько направлений экспертизы вы закрываете?

— Как я уже говорила, 59 — это самое большое количество направлений среди государственных судебно-экспертных учреждений.

— Как быть с уникальными экспертизами?

— Если в назначенных экспертизах есть вопросы, на которые работники, эксперты РФЦСЭ не могут ответить, то в комиссию экспертов включаются сторонние специалисты. Отправляем соответствующее ходатайство, чтобы судья или следователь нам разрешили это сделать.

— Но это уже не эксперты?

— Они проводят исследование и подписывают заключение как эксперты, процессуальные фигуры. При этом ведущим по данной экспертизе, как правило, выступает эксперт из нашего центра. По ходатайству в процессуальном порядке для решения этих вопросов привлекаются работники других министерств и ведомств. К примеру, мы делали экспертизу по делу «Седьмой студии». Но мы в состоянии были провести только финансово-экономическую экспертизу, а оценить, сколько

потребовалось финансовых средств для создания этих спектаклей, не могли. Поэтому по решению суда в процессуальном порядке для ответа на эти вопросы были привлечены работники Министерства культуры.

Другими словами, мы всегда делаем все необходимое с правовой точки зрения для оформления полного, всестороннего, объективного заключения на строго научной и практической основе.

— В этом году был вынесен приговор по нашумевшему маковому делу⁵, в котором некая сотрудница научного учреждения подготовила по запросу руководства этого учреждения справку о том, можно ли относить маковое вещество к наркотическим средствам. В итоге эту женщину пытались привлечь к уголовной ответственности, и дело дошло до того, что даже президент РАН А.М. Сергеев написал письмо в ее защиту, утверждая, что нельзя судить научного сотрудника (а она не являлась экспертом) за научное мнение. Получается, что научное мнение легко спутать с экспертным заключением?

— К сожалению, четких критериев, отличающих профессиональных экспертов от лиц, обладающих специальными знаниями, нет ни в процессуальных законах, ни в Законе о судебно-экспертной деятельности. В любом случае компетентность экспертов проверяет суд или другие лица, назначившие производство судебной экспертизы. Но ясно, что, если вы просто сведущее в той или иной отрасли науки, техники, искусства или ремесла лицо, то это еще не делает вас судебным экспертом. Даже если вы знаете, как применять тонкослойную хроматографию к тому же самому маку, знакомы с химическими методами анализа и умеете просчитывать концентрацию маковой соломки в исследуемых карманах, но не имеете представления о правовых основах экспертизы, то вы не сможете дать квалифицированное заключение, основанное на объективном, всестороннем и полном исследовании.

⁵ Приговор Брянского областного суда от 24.01.2019 по делу № 2-2/2019.

Я получаю сотни запросов — адвокатских и из суда: что делать с заключениями, подготовленными учеными и педагогами? Да ничего не делать. Принять их и назначить судебную экспертизу эксперту, который имеет право подписи по данной экспертной специальности, владеет методиками экспертного исследования и способен на строго научной и практической основе объективно, полно и всесторонне провести экспертное исследование.

— А если специалист следовал одной из валидированных методик экспертного исследования, можно ли принять его заключение в качестве доказательства?

— Нет, этого недостаточно. Для того чтобы понять, заключение эксперта лежит перед вами или нет, нужно ответить на массу вопросов. Начиная с вопросов о соответствии подготовившего заключение эксперта предъявляемым профессиональным и квалификационным требованиям и заканчивая такими вопросами, например, как: соответствуют ли выводы поставленному вопросу? проведено ли исследование с теми объектами, которые представлены на экспертизу? не видоизменены ли они или это вообще другие объекты? Кроме того, обязательно должны быть проведены все мероприятия, необходимые согласно теории и практике судебно-экспертной деятельности. Валидированная методика подразумевает учет всех этих тонкостей и правил судебно-экспертного исследования. И только если они все соблюдены, мы можем сказать, что перед нами заключение эксперта. А сегодня называют судебными экспертами кого угодно.

— Должно ли отсутствие в заключении эксперта строки о предупреждении об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения быть основанием для непризнания этого заключения в качестве доказательства?

— Из действующей редакции Закона следует, что в заключении должны быть сведения о предупреждении эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Таким образом, отсутствие в заключении эксперта строки о предупреждении об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, несомненно, является

несоответствием требованиям закона. Одновременно при оценке заключения эксперта правоприменитель обращает внимание и на соблюдение других законодательных требований. Если хотя бы одно из них нарушено, то данное заключение эксперта суд может и не принять в качестве доказательства. Кроме того, в заключении должно быть обосновано применение тех или иных методов исследования. Важно и то, как объект был доставлен на экспертизу. Взять хотя бы те же наркотические средства: следователи могут хранить их годами, они уже сгнили, а их в таком виде нам на экспертизу присылают. И что с этим делать?

Но и это не главное.

||| Главное — чтобы, кроме всего прочего, эксперт не превышал свою компетенцию, установленные границы специальных знаний. К примеру, не пытался решать правовые вопросы.

— Насколько сложно привлечь эксперта к ответственности за дачу заведомо ложного заключения?

— Очень сложно! На практике это единичные случаи. Эксперт может сказать, что это его мнение, — и всё. Попробуй докажи, что была какая-то подтасовка результатов, присутствовал умысел. Не привлекают даже в одиозных случаях.

— Вы сказали, что в разных ведомствах применяются разные методики и, соответственно, может получиться разный результат. Недавний пример — почерковедческая экспертиза подписей за кандидатов в депутаты Мосгордумы. Избиркомы ориентировались на одно заключение, а кандидаты принесли прямо противоположное. Могло это произойти из-за того, что эксперты применяли разные методики?

— С удовольствием отвечу, потому что мы давали консультацию по этому делу. Там были представлены экспертные заключения, из которых было видно, что эксперты неверно применили методические подходы к исследованию электрофотографических копий документов. Данной методикой владеют только эксперты нашей системы СЭУ Минюста России, а негосударственные эксперты на сегодня не обучались применению этой методики. Отсюда неправильная трактовка результатов.

Что же касается унификации методик экспертного исследования, то такая потребность назрела уже давно. В 1990-е гг. создавали паспорта методик, выстраивали их в рядочек, но настоящий эксперт, как правило, делает исследование не по одной методике, а по нескольким.

Сертификация методического обеспечения, по нашему мнению, позволит приблизиться к реализации концепции единого научно-методического подхода при решении одинаковых экспертных задач.

— Как Вы относитесь к такому методу опровержения заключения эксперта, как рецензирование?

— Прежде всего важно понимать, что это не процессуальная категория. Здесь все зависит от судьи — его личности, знаний, профессионализма. Если он захочет — он примет такое мнение, закон позволяет это сделать. Но по сути — это опосредованное мнение о проведенной экспертизе. Когда человек рецензирует то или иное заключение, он видит не исходные данные и не объект экспертизы, а только текст, в котором написано, что было предоставлено эксперту, что он измерял, исследовал и нашел.

Я не зря все время говорю о том, что важно не только сделать вывод, который соответствовал бы вопросу, но и исследовать объект так, чтобы заключение было объективным, достоверным и полным. Поэтому к рецензированию я отношусь очень скептически.

— Но ведь рецензент может проверить какие-то вещи, например то, какая методика применялась?

— Да, обычно об этом и спрашивается: правильно ли использовали методику? Пользуются ли эксперты государственных экспертных учреждений данной методикой? Но судит-то и оценивает экспертизу — ее достоверность, обоснованность и всю фактуру — именно судья. Поэтому здесь очень многое зависит от квалификации судьи или следователя. Бывают случаи, когда рецензия принимается во внимание. На ее основании назначается повторная экспертиза, или дополнительная, и суд получает другие доказательства.

— В действующем Законе о судебно-экспертной деятельности закреплён принцип независимости экспертов. Можно ли сказать, что наши экспертные подразделения, которые находятся в ведомственном подчинении, подлинно независимы?

— Думаю, и нет, и да. Во многих странах мира существует такой же порядок организации судебной экспертизы. Сразу оговорюсь: я не ратую за монополию Минюста России в плане проведения судебных экспертиз. Как сказал на одном из заседаний коллегии министр юстиции А.В. Коновалов, «у нас нет препятствий для сотрудничества с другими институтами судебной экспертизы. Работы в этой сфере — непочатый край, и поделить ее с другими не составляет трудности!». Поэтому я за то, чтобы экспертизы проводили грамотно и чтобы все участники процесса на своем месте помогали их ускорять. Считается, что экспертные подразделения ФСБ и МВД России, например, не находятся в прямом подчинении этих ведомств — в первом случае экспертизой занимается институт, а во втором — вообще отдельный центр, ЭКЦ. А.И. Бастрыкин в своем интервью обращал внимание на то, что Следственному комитету необходимы собственные подразделения, занимающиеся судебно-экспертной деятельностью⁶. Думаю, что созданные при Следственном комитете экспертные подразделения будут представлены как независимое учреждение. Вот и получается, что, с одной стороны, они зависимые, а с другой — независимые.

— Международные принципы требуют страхования ответственности экспертов. Ваши эксперты страхуют свою деятельность? Вы же признанный на международном уровне Центр.

— Это так, но мы не страхуемся. И как показало наше удачное выступление в международном Спортивном арбитражном суде в Швейцарии по делу российских спортсменов, иностранцев не интересовала страховка. Им для принятия решения было важно, что эксперты Центра подготовили аргументированное, объективное, полное, всестороннее заключение. Кроме того, мы являемся независимым от следственных органов

⁶ См.: Российская газета. 2019. 25 июля.

учреждением, входим в Европейскую сеть судебных экспертов, наша деятельность соответствует определенным международным стандартам, которые на сегодняшний день вырабатываются в ходе обмена опытом разных стран в целях унификации лабораторной деятельности.

Это сложная и долгая работа! К примеру, вот уже три года на международных площадках мы обсуждаем права и обязанности эксперта, требования к подготовке заключения эксперта, к выводам, вопросам. Пока и международных стандартов по всем направлениям судебно-экспертной деятельности нет.

— В завершение поделитесь своим видением: каким Вам представляется будущее судебной экспертизы в России?

— Современное судопроизводство, как никогда ранее, нуждается в появлении инновационных форм обеспечения судебно-экспертной деятельности, а также в таких прогрессивных механизмах достижения указанных целей, как стандартизация судебно-экспертной деятельности и формирование системы менеджмента качества в области судебной экспертизы. Будущее — именно за такой моделью судебно-экспертной деятельности. Только тесное взаимодействие экспертов и правоприменителей в плане эффективного использования специальных знаний в сфере судопроизводства принесет нам позитивные результаты. Объединив наши усилия, мы неоднократно уже доказывали, что нет ничего невозможного для людей, которые умеют работать, серьезно обдумывают грандиозные планы и дружной командой упорно реализуют намеченное.